

- ⁹ Heimsoeth H. Ebenda. S. 240.
¹⁰ Fischer H. E. Ebenda. S. 20.
¹¹ Копылов В. И. О языке философии Канта//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1986. Вып. 11. С. 55 и др.
¹² Лотман Ю. М. К современному понятию текста//Linguistica. Тарту, Вып. 736. 1986. С. 106.
¹³ Körner St. Kant. Göttingen, 1967. S. 64.
¹⁴ Röttges H. Dialektik als Grund der Kritik. Grundlegung einer Neuinterpretation der «Kritik der reinen Vernunft» durch den Nachweis der Dialektik von Bedeutung und Gebrauch als Voraussetzung der Analytik. Königstein, 1981. S. 44.
¹⁵ Eisler R. Kant—Lexikon. Heidelberg—Zürich—New York, 1989. S. 16.
¹⁶ Eisler R. Ebenda. S. 16.
¹⁷ Körsgen N. Formale und transzendente Synthesis. Untersuchungen zum Kernproblem der Kritik der reinen Vernunft. Hansstein, 1984. S. 65.
¹⁸ Körsgen N. Ebenda. S. 17.
¹⁹ Heimsoeth H. Ebenda. S. 16.
²⁰ Baum M. Die transzendente Deduktion in Kants Kritiken. Interpretation zur kritischen Philosophie. Köln, 1975. S. 58—138.
²¹ Абрамян Л. К. Кант и проблема знания. Анализ кантовской концепции обоснования естествознания. Ереван, 1979. С. 158.
²² Aschenberg R. Sprachanalyse und Transzendentalphilosophie. Aufl., Bd., 5, Stuttgart, 1982. S. 269; Kaulbach F. Philosophie als Wissenschaft. Eine Einleitung zum Studium von Kants «Kritik der reinen Vernunft». Gertenberg, 1981. S. 79.
²³ Körsgen H. Ebenda. S. 71.
²⁴ Voorn v. d. Holger. Transzendentalität und Analytizität. Studien zur Kritik der reinen Sprache im Umkreis einer logisch-philosophischen Propädeutik. Köln, 1974. S. 135.
²⁵ Röttges H. Ebenda. S. 56.
²⁶ Абрамян Л. К. Указ. соч. С. 109.
²⁷ Körner St. Ebenda. S. 45.
²⁸ Heimsoeth H. Ebenda. S. 11.
²⁹ Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки. М., 1987.
³⁰ Ratke H. Systematisches Handlexikon zu Kants «Kritik der reinen Vernunft». Hamburg, 1972.

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

И. КАНТ

Об одном открытии, после которого всякая новая критика чистого разума становится излишней ввиду наличия прежней (Против Эберхарда) *

*РАЗРЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ: КАК ВОЗМОЖНЫ
 СИНТЕТИЧЕСКИЕ СУЖДЕНИЯ A PRIORI?
 СОГЛАСНО ГОСПОДИНУ ЭБЕРХАРДУ*

Решение этой задачи, рассматриваемой во всей ее всеобщности, является камнем преткновения для всех метафизиков-догматиков, о который они неизбежно спотыкаются и который поэтому они обходят дальней стороной настолько, насколько это возможно. Вот и я не встретил еще ни одного противника «Кри-

тики», который бы взялся за нее и нашел бы решение, пригодное на все случаи [жизни]. Господин Эберхард со своими куцыми законами противоречия и достаточного основания (каковые у него только некие аналитические высказывания) отважился, однако, на это предприятие; с каким успехом, это мы скоро увидим.

Господин Эберхард не имеет, как кажется, никакого понятия о том, что «Критика» называет *догматизмом*. Так, на стр. 262 он говорит об аподиктических доказательствах, найденных якобы им, и добавляет: «Если догматиком называется тот, кто принимает без сомнения существование вещей в себе, то мы должны, хотим мы того или нет, принять обвинение в том, что являемся догматиками». Далее, на стр. 289 он заявляет: «Лейбница философия в такой же мере содержит критику разума, как и Канта; ибо она основывает свой догматизм на точном расчленении познавательной способности, что может быть сделано посредством любой другой». Что же, если она это действительно делает, то она не содержит догматизма в том смысле, в каком этот термин употребляется в «Критике».

Дело в том, что под *догматизмом* в метафизике «Критика» понимает всеобщую веру в свои принципы, не предпуская ей критику самой способности разума, просто ради их самих, а под *скептицизмом* — полное недоверие к чистому разуму, выражающееся в отсутствии предварительной критики, просто ради [доказательства] несостоятельности всех его утверждений**. Критический подход ко всему, что относится к метафизике [сомневающееся промедление] (*der Zweifel des Aufschubs*), есть, напротив, максима тотального недоверия ко всем синтетическим суждениям последней до тех пор, пока не будет усмотрено всеобщее основание ее возможности в существенных условиях нашей познавательной способности.

От обоснованных упреков в догматизме, следовательно, можно избавиться не ссылками на так называемые аподиктические доказательства своих метафизических положений, как на стр. 262, ибо их несостоятельность, даже при отсутствии явных ошибок в них (чего наверняка нет в данном выше случае), столь обычна, а доказательство обратного часто противостоит им с не меньшей убедительностью, так что скептик, даже если ему нечего противопоставить данному аргументу, оказывается тем не менее вполне вправе выразить к нему свое *non liquet*. Только в том случае, если доказательство будет проведено так, что с помощью зрелой критики предварительно будет достоверно показана возможность познания *a priori* и его всеобщих условий, метафизик может избежать догматизма, который без нее (критики) во всех своих доказательствах блуждает в потемках. Канон же критики подобных утверждений будет являться решение во всей полноте следующей задачи: *как возможно синтетическое познание a priori?* До тех пор, пока эта задача не

была решена, до тех пор ни один метафизик не избавлен от упрека в слепом догматизме или скептицизме, каким бы громким именем, ввиду своих прочих заслуг, он по праву ни обладал.

Однако господину Эберхарду угодно другое. Он делает вид, как будто подобное предупреждение, обоснованное многочисленными примерами в трансцендентальной диалектике, вовсе не было сделано догматику, и принимает, задолго до критики нашей способности производить синтетические суждения а priori, издавна оспариваемое синтетическое положение о том, что пространство и время и вещи в них состоят из простых элементов, за данное, не удосужившись хотя бы ради [выяснения] самой возможности подобного определения чувственного посредством идей сверхчувственного произвести предварительно хоть мало-мальское критическое исследование, необходимость которого неизбежно вытекала уже из самих противоречий математики, да и сам он своим методом являет лучший пример того, что «Критика» называет догматизмом, который должен быть навсегда выведен за пределы всякой метафизики.

Итак, прежде чем приступить к решению упомянутой выше принципиальной задачи, непременно необходимо составить себе четкое понятие, во-первых, о том, что «Критика» понимает под синтетическими суждениями вообще в их отличии от аналитических суждений; во-вторых, что она имела в виду под ними как суждениями а priori, в их отличии от эмпирических суждений. — Первое изложено в «Критике» неоднократно и недвусмысленно со всей желаемой ясностью. Они суть суждения, в предикат которых вкладывается мной больше, чем содержится в понятии, о котором этот предикат высказывается и который [предикат] увеличивает мое знание, по сравнению с тем, что содержалось в первом. Аналитические же суждения не содержат ничего подобного, они не привносят ничего сверх того, что уже мыслилось в действительности в данном понятии и содержалось в нем; они только проясняют и высказывают то, что принадлежит ему.

Во-вторых, а именно что собой представляют суждения а priori в их отличии от эмпирических суждений, можно уяснить без особых трудностей, потому что различие между ними уже давно известно логике, изложено в ней и не фигурирует, как первое, по крайней мере, ни под каким новым именем (как того желает господин Эберхард). Однако не будет лишним для господина Эберхарда заметить, что предикат, который приписывается субъекту в суждении а priori, высказывается как принадлежащий первому с необходимостью (неотделим от понятия последнего). Подобные предикаты называются предикатами, относящимися к сущности (внутренней возможности понятия), предикатами ad essentiam*** pertinentia, и, следовательно, их должны содержать все суждения, имеющие силу а priori.

Остальные предикаты, то есть такие, которые отделимы от понятия (без ущерба для последнего), называются несущественными признаками (*extraessentialia*). Первые относятся к сущности либо как составные части понятия (*ut constitutiva*), либо как достаточно обоснованные следствия из него (*ut ratio-nata*). Первые называются существенными [составными] частями (*essentialia*), которые не содержат предиката, который бы мог быть выведен из других [предикатов], содержащихся в нем, и их совокупность составляет его логическую сущность (*essentia*); вторые называются свойствами (*attributa*). Несущественные признаки суть либо внутренние (модусы), либо выражают отношения (*relationes*) и не могут быть предикатами в суждениях а priori, так как они отделимы от субъекта, то есть необходимо не связаны с ним.

Итак, ясно, что если предварительно не установлено критерия синтетических суждений а priori, то посредством только одного заявления о том, что предикат является атрибутом, нельзя уяснить себе их отличия от аналитических суждений. Ибо когда его называют атрибутом, то тем самым говорится лишь, что он может быть выведен как следствие из сущности, и не более; будь то аналитически согласно закону непротиворечия, или синтетически согласно какому-либо другому закону, все это остается неопределенным. Так, в суждении «*Всякое тело делимо*» предикат является атрибутом, потому что он может быть выведен из одного из существенных признаков понятия субъекта, а именно признака протяженности. Однако данное определение таково, что оно может быть представлено как выведенное из понятия тела согласно закону непротиворечия, следовательно, само суждение независимо от того, что его содержанием является приписывание атрибута субъекту, тем не менее является аналитическим. Напротив, постоянство (*Beharrlichkeit*) есть тоже атрибут субстанции, так как оно исключительно необходимый его предикат, однако оно не содержится в самом понятии субстанции, следовательно, оно не может быть выведено из него (согласно закону непротиворечия), то есть суждение «*Всякая субстанция постоянна*» является синтетическим суждением. Итак, если о суждении говорится, что оно имеет в качестве предиката атрибут к субъекту, то никто не может утверждать, является ли оно аналитическим или синтетическим. Надо, следовательно, добавить: оно содержит синтетическое определение, то есть необходимый (хотя и производный), следовательно, а priori познаваемый в синтетическом суждении предикат. Итак, согласно господину Эберхарду, определять синтетические суждения а priori следует так: они суть суждения, содержащие синтетические определения вещей. Господин Эберхард впадает в эту тавтологию с тем, чтобы, по возможности, не только высказать нечто более правильное и определенное о своеобразии синтетических суждений а priori, но и для того,

чтобы вместе с их дефиницией указать их общий принцип, в соответствии с которым они возможны, с чем «Критика» смогла справиться, лишь употребив на то значительные усилия. Так, на стр. 315 он указывает, что «аналитические суждения суть такие, предикат которых выражает сущность или некоторые существенные признаки субъекта», а на стр. 316 он говорит о синтетических суждениях, что они, выражая необходимые истины, имеют в качестве предикатов «атрибуты к субъектам». С помощью словечка «атрибут» он обозначает синтетические суждения как суждения *a priori* (ввиду необходимости их предикатов), но одновременно и как такие, которые выражают понятие о сущности [Rationata], а не саму сущность или ее части (Stücke), и ссылается при этом на закон достаточного основания, с помощью которого они единственно могут быть предикаторами субъекту, полагаясь на то, что читатель не заметит, что данное основание может быть здесь только логическим основанием, а именно таким, которое не означает ничего другого, как то, что предикат, хотя и опосредованно, но тем не менее всегда может быть выведен из понятия субъекта согласно закону непротиворечия, тем самым он, будучи атрибутом по своему содержанию, тем не менее может быть аналитическим и, следовательно, не иметь при себе признаков синтетического суждения. А то, что это определение должно быть синтетическим для того, чтобы суждение, предикатом которого оно выступает, могло быть причислено к последнему классу — об этом он со всей тщательностью старается не говорить, хотя ему должно быть совершенно очевидно, что это ограничение является необходимым. В противном случае тавтология слишком бросалась бы в глаза. Итак, он произвел вещь, которая лишь неискушенному [читателю] может показаться новой и содержательной, на самом же деле она есть не что иное, как легко распознаваемая химера [Dunst].

Теперь видно также, что означает его закон достаточного основания, о котором говорилось им выше. Судя по примеру, который он при этом, главным образом, приводит, можно предположить, что он понимает его в смысле реального основания, так как основание и следствие в действительности отличны друг от друга, и суждение, в котором они соединяются, является синтетическим. Не тут-то было! Более того, он уже тогда предусмотрительно учел все случаи его последующего применения и дал ему столь неопределенную характеристику, чтобы придавать ему в зависимости от ситуации то значение, которое нужно, следовательно, применять его порой в качестве принципа аналитических суждений. Является ли отсюда суждение «Всякое тело делимо» менее аналитическим, потому что его предикат может быть выведен с помощью анализа из того, что непосредственно относится к понятию (его существенной части), а именно [из понятия] протяженности? Если из предиката, прямо вы-

текающего из данного понятия в силу закона непротиворечия, выводится другой предикат, согласно этому же закону, то будет ли последний менее подчинен этому закону, чем первый?

Отсюда сразу же исчезает, во-первых, надежда объяснить синтетические суждения а priori с помощью суждений, предикаты которых являются атрибутами к субъекту, если не добавить к ним того, что они *суть синтетические суждения*, и тем самым хотят избежать очевидной тавтологии; во-вторых, ставятся ограничения закону достаточного основания как особому принципу, что он как таковой допустим в трансцендентальную философию не иначе, как только при том условии, что он дает право связывать понятия синтетически. С этим следует сравнить следующее радостное восклицание автора на стр. 317: «Итак, перед нами налицо разделение понятий на аналитические и синтетические и причем с четким указанием их границ (первые выражают существенные признаки, вторые — только атрибуты), вытекающее из плодотворнейшего и очевиднейшего основания классификации (он здесь намекает на свои столь превозносимые им выше плодотворные сферы онтологии) и с полнейшей достоверностью в том, что данная классификация полностью исчерпывает свое основание».

Между тем при этом триумфальном восклицании господин Эберхард, кажется, не совсем уверен в своей победе, так как на стр. 318, после того, как он окончательно заявил, что Вольф и Баумгартен уже давно знали и определенно, хотя и иначе, сформулировали то, чему под другим именем учит «Критика», вдруг проявляет неуверенность в вопросе, что же за предикаты я имею в виду в синтетических суждениях, и им поднимается такое пылевое облако дистинкций и классификаций предикатов, могущих выступать в суждениях, что за ним невозможно более усмотреть суть дела, о котором идет речь. И все это для того, чтобы доказать, что я должен был дать иное определение синтетическим суждениям, главным образом, суждениям а priori, в их отличии от аналитических, чем это было сделано мною. При этом речь совершенно не идет о моем способе решения вопроса о том, как возможны подобные суждения, а только о том, что я понимаю под ними, и о том, что, если я понимаю под ними один вид предикатов (стр. 319), то они будут *слишком широкими*, а понимая под ними другой вид предикатов, делаю их *слишком узкими* (стр. 320). Однако ясно, что если понятие сформировано дефиницией, то оно не может быть ни слишком узким, ни слишком широким, ибо оно означает не больше и не меньше того, что определено дефиницией. Единственно, что можно было бы поставить ей в вину — это то, что она содержит нечто непонятное, что не годится для пояснения [понятия]. Даже самый большой мастер запутывать то, что ясно, ничем не может навредить той дефиниции, которая дана в «Критике» синтетическим суждениям, а именно: они суть суждения, предикат кото-

рых содержит больше, чем действительно мыслится в понятии субъекта; другими словами, в их предикате сообщается о субъекте нечто такое, чего не содержится в понятии о нем. Аналитическими же являются такие, предикат которых содержит то же самое, что мыслится в понятии субъекта данных суждений. Каким бы ни был предикат первого вида суждений, если они только суть суждения а priori, атрибутом ли (субъекта суждения), или, я не знаю, еще чем-либо, это определение не должно, даже более того, не может входить [в содержание] дефиниции, даже если это будет доказано таким ученым способом, как это делает господин Эберхард. Такие предикаты относятся к дедукции возможности познания вещей с помощью подобного вида суждений, который [вид] должен появиться лишь после дефиниции. И вот он находит дефиницию непонятной, слишком широкой или слишком узкой, потому что она не подходит к этому его пресловутому более точному определению предиката подобных суждений.

Для того, чтобы максимально запутать ясную и простую вещь, господин Эберхард пользуется всевозможными средствами, действие которых, однако, оказывается совершенно противоположным тому, что он хочет сказать. Так, на стр. 308 говорится: «Вся метафизика, по утверждению господина Канта, содержит сплошь *аналитические* суждения», и приводит в качестве доказательства своего предположения сказанное в «Пролегоменах» на стр. 33. Однако он истолковывает его так, как будто я это говорю о метафизике *вообще*, хотя там речь идет о предшествующей метафизике постольку, поскольку ее суждения основываются на обычном [способе] доказательства. Ибо о метафизике как таковой [an sich] на стр. 36 «Пролегомен» говорится: «Суждения собственно метафизические суть в целом синтетические». Но и о прежней метафизике в «Пролегоменах» сразу же за приведенным местом сказано: «что и она толкует о синтетических суждениях, которые охотно признаются за таковые, но которые она никогда не могла доказать а priori». Следовательно, неверно, что предшествующая метафизика не содержала синтетических суждений (ибо их там было более чем достаточно) и среди них совершенно истинных (а именно тех, что суть принципы возможного опыта), а в упомянутом выше месте утверждается только, что она ни одного из этих положений *не доказала*, исходя из оснований а priori; для того, чтобы опровергнуть это мое утверждение, господину Эберхарду следовало бы привести одно из подобных доказанных аподиктических положений, ибо закон достаточного основания с его доказательством (стр. 163—164 его журнала) никак не может опровергнуть моего утверждения. Таким же вымыслом является и то (стр. 314), «что я утверждаю, что математика является единственной наукой, содержащей синтетические суждения а priori». Он не приводит места, где это у меня якобы говорится, но то,

что я достаточно ясно утверждаю как раз противоположное, должно было бы со всей очевидностью броситься ему в глаза во второй части главного трансцендентального вопроса, как возможно чистое естествознание (стр. 71—124 «Пролегомен»), если бы ему не было угодно видеть полностью противоположное тому. На стр. 318 он приписывает мне следующее положение: «За исключением суждений математических, только суждения опыта являются-де синтетическими», так как «Критика» (издание первое, стр. 158—235) устанавливает целую систему метафизических, то есть *синтетических*, основоположений и доказывает их a priori. Мое же утверждение состояло в том, что, напротив, эти основоположения суть лишь принципы возможности *опыта*; а он понимает их так, что «они суть лишь *суждения опыта*», следовательно, превращает то, что я называю основанием опыта, в его следствие. Таким образом, все, что бы он ни взял из «Критики», переворачивается им и искажается с тем, чтобы выставить это взятое на определенное время в неправильном свете.

И еще один фокус, используемый господином Эберхардом в стремлении избежать противоречивых утверждений: он приводит их [утверждения] в таких общих формулировках и в такой абстрактной форме, на которую он только способен, страшась привести пример, из которого сразу было бы видно, что он хочет этим сказать. Так, на стр. 318 он подразделяет все атрибуты на такие, которые могут быть познаны либо a priori, либо a posteriori, и добавляет, что, как ему кажется, я понимаю под своими синтетическими суждениями «только такие истины, которые не необходимы безусловно, а среди безусловно необходимых лишь последний вид суждений, необходимыми предикаты которых могут быть усмотрены человеческим рассудком лишь a posteriori». Однако мне представляется, что этими словами должно было бы быть сказано нечто совершенно другое, чем то, что в них действительно содержится, ибо в том виде, как они употреблены, имеется явное противоречие. Дело в том, что предикаты, познаваемые a posteriori и являющиеся вместе с тем необходимыми, а также подобные им атрибуты, которые, согласно стр. 321, «не выводимы из сущности субъекта», суть, по определению господина Эберхарда, данному выше, нечто, что совершенно невозможно мыслить. И даже если под этим нечто мыслится и на возражение господина Эберхарда, связанное с этим, по крайней мере, не совсем ясным различием и направленное против применимости дефиниции, данной синтетическим суждениям в «Критике», должен быть дан ответ, то он должен был, по крайней мере, привести пример упомянутых выше определений, названных им странными. Так что иначе невозможно ответить на замечание, с которым мне трудно связать какой-либо смысл. Он избегает, насколько возможно, приведения примеров из метафизики, а стремится по

мере возможности опереться на примеры, взятые из математики, — прием, полностью отвечающий его интересам. В самом деле, он хочет избежать сурового упрека в адрес прежней метафизики в том, что она безусловно не может доказать свои синтетические положения а priori (так как она пытается доказать их, исходя из своих понятий, как имеющих силу для вещей в себе как таковых), и поэтому подбирает примеры из математики, которая подводит свои положения, основанные на строгом доказательстве, под созерцание а priori, но которое он вовсе не может рассматривать в качестве существенного условия возможности *любого* синтетического положения а priori, не отказавшись вместе с тем он надежды расширить свое познание вплоть до сверхчувственного, лишенного какого бы то ни было возможно, корреспондирующего ему созерцания, и не хочет оставить невозделанными свои богатые видами на урожай поля психологии и теологии. И если его намерение, или стремление, внести ясность в спорные вопросы не заслуживает особого одобрения, тем не менее следует отдать должное его умению использовать все, даже мнимые преимущества.

Но стоит только господину Эберхарду, хотя бы невзначай, натолкнуться на примеры из метафизики, как ему все время с ними не везет и причем настолько, что ему удается доказать как раз обратное тому, что он хотел бы показать. Так, выше он пытался доказать, что, помимо закона непротиворечивости, должен быть еще другой принцип возможности вещей, и утверждает, что его следует выводить из закона непротиворечия, что он затем действительно пытается сделать. Так, на стр. 319 он заявляет: «Суждение «все необходимое вечно, и все необходимые истины суть вечные истины» является без сомнения синтетическим суждением, и тем не менее оно может быть усмотрено а priori». Но на самом деле оно *без сомнения аналитическое* суждение. Из этого примера в достаточной мере видно, какое все еще неверное представление составил господин Эберхард о различии этих суждений, которое, судя по его заявлениям, он основательно усвоил. Ведь он вряд ли хочет сказать, что истина существует как некая особая вещь во времени, наличное бытие которой либо вечно, либо длится определенное время. То, что все тела протяженны — это необходимая и вечная истина, независимо от того, существуют ли они сами по себе или нет, и долго ли длится их бытие или коротко, существуют ли они во все времена, то есть вечно, или нет. Это положение содержит только следующее: они не зависят от опыта (который совершается в какое-то определенное время, они, следовательно, не ограничены никаким временным условием, то есть познаваемы как истины а priori, а это равносильно утверждению, что они познаваемы как необходимые истины.

Точно так же обстоит дело и с другим примером, приводимым на стр. 325, причем сразу же следует привести пример его

точности цитирования ссылок на положения «Критики», где он говорит буквально следующее: «Я не понимаю, каким образом метафизике можно отказывать в каких бы то ни было синтетических суждениях». Однако «Критика» и не думала заниматься этим, а напротив (как уже было впереди сказано), она составила единую и в действительности полную систему подобных суждений как истинных положений. И одновременно показала, что они в целом предназначены лишь для выражения синтетического единства многообразного в созерцании (как условие возможности опыта) и применимы, следовательно, к предметам лишь постольку, поскольку они могут быть даны. Пример из метафизики, который приводится им в качестве иллюстрации синтетических суждений а priori, впрочем, с предусмотрительной оговоркой — «если метафизика может подобное суждение доказать» — гласит: «Все конечные вещи изменчивы, а любая неконечная вещь неизменна», суть в обоих случаях *аналитические* суждения. Действительно, реально, то есть *в своем наличном бытии*, изменчиво то, чьи определения могут следовать друг за другом во времени, следовательно, только то, что может существовать не иначе, как только во времени. Но это условие не связано необходимо с понятием конечной вещи (которая не обладает всей реальностью), а только с вещью как предметом чувственного созерцания. А как господин Эберхард утверждает, что его суждения а priori не зависимы от этого последнего условия, то и приводимое им суждение о том, что все конечное как таковое (то есть как всего лишь понятие, следовательно, так же, как и ноумен) изменчиво, неправильно. Следовательно, суждение «Все конечное как таковое изменчиво» должно быть понято только как определение понятия о нем, то есть *логически*, так как в этом случае под изменчивостью понимается лишь то, что не может быть полностью (*durchgängig*) определено его понятием, следовательно, то, что может быть определено и каким-либо противоположным образом. Если это так, то суждение о том, что *конечные* вещи, то есть все, кроме всереальнойнейшей (имея в виду понятие о ней) изменчивы, является аналитическим суждением; ибо сказать так — означает то же самое, что сказать следующее: конечную вещь я мыслю себе так, что она *не обладает всей* реальностью, что посредством понятия о ней еще не установлено, какую или *сколько* реальности я должен ей придать, то есть я могу приписать ей то то, то это и, без ущерба для понятия о ее конечности, могу изменять определенным образом ее определение. И в такой же мере, то есть *логически*, бесконечная вещь неизменчива; потому что под ней понимается такая сущность, которая, согласно понятию о ней, может иметь только один предикат — реальность, следовательно, посредством понятия уже полностью определена (в том смысле, что относительно ее предикатов мы знаем, действительно ли они реальны или нет), и без ущерба для понятия не мо-

жем заменить ни один из ее предикатов на какой-либо другой. Но из этого вытекает также, что это суждение является простым *аналитическим* суждением, субъекту которого не могут быть приписаны никакие другие предикаты, кроме тех, которые могут быть выведены на основании закона непротиворечия***. Если хотят играть одними понятиями, не заботясь об их объективной реальности, то можно привести довольно легко много подобных мнимо расширяющих научное знание понятий, не требуя созерцания, но которые начинают звучать совсем по-другому, как только достигают расширенного знания об объекте. К подобному, но содержащему лишь кажущееся расширение знания суждению относится положение (взятое в выше упомянутом метафизическом значении) о том, что бесконечная сущность сама в действительности не изменяется, то есть его определения не следуют в нем друг за другом во времени (так как его наличное бытие как простого ноумена не может мыслиться существующим во времени без противоречия), что в такой же мере является аналитическим суждением, имея в качестве предпосылки синтетические принципы пространства и времени как формальные созерцания вещей в качестве феноменов. В самом деле, в этом случае оно идентично со следующим положением «Критики»: понятие всереальнейшего существа не есть феноменальное понятие. И мало того, что он должен был для того, чтобы познать бесконечную сущность, расширить синтетическое суждение, он, напротив, лишает свое понятие какого-либо расширения вообще, отказывая ему в созерцании. И наконец, следует заметить, что господин Эберхард, выдвигая упомянутые выше положения, предусмотрительно добавляет следующее: «...если метафизика может их доказать». Я сразу же указал основание подобного доказательства, с помощью которого как якобы содержащего синтетические суждения а priori их имеют обыкновенно выдавать за таковые, является единственно возможным для того, чтобы такие определения (как, например, определения неизменяющегося), которые, будучи соотнесенными с логической сущностью (понятия), получают определенное значение и могут быть затем употреблены в совсем другом значении. Поэтому читатель не должен довольствоваться многословными ответами (которые к тому же в конце концов возвращают его к дорогому Баумгартену, который также принимает понятия за сами вещи), а может сразу же сам производить суждение.

Из всего содержания данного раздела видно, что господин Эберхард или вообще не имеет никакого понятия относительно синтетических суждений а priori, или (что более вероятно) пытается его намеренно запутать настолько, что читатель может усомниться даже в том, что он может пощупать руками. Два существенных примера из метафизики, которые, впрочем, при ближайшем рассмотрении оказываются аналитическими, но ко-

которые бы ему хотелось выдать за синтетические, суть: «все необходимые истины вечны» (в данном случае он мог бы вполне употребить термин «неизменный») и «необходимое существо неизменно». Недостаток примеров — и это вопреки тому, что «Критика» приводит большое количество их, являющихся действительно синтетическими, — легко объясним. Для него было важно получить для своих суждений такие предикаты, которые, будучи атрибутами субъекта, он мог бы доказать, исходя из голого понятия о нем. Но так как предикату в случае синтетического суждения нет дела до [субъекта], то он вынужден был подыскать для него такие, которыми обычно оперировали в метафизике, относя их то чисто логически к понятию субъекта, то реально к предмету, полагая тем не менее, что имеют дело с одним и тем же значением, а именно, что понятие изменяющегося и неизменного, будучи предикатом, [рассматривалось] в случае, если существование его субъекта полагалось во времени, как его атрибут, что давало синтетическое суждение, по которому предполагает также чувственное созерцание и саму вещь, хотя всего лишь как феномен, до которого как условия синтетических суждений ему не было дела. Так, вместо того, чтобы применять предикат «неизменный» к вещам (в модусе их существования), он применяет его к понятию о вещах, однако в этом случае неизменность выступает атрибутом всех предикатов постольку, поскольку они необходимо принадлежат одному определенному понятию, независимо от того, корреспондирует ли с этим понятием какой-либо предмет или оно является пустым.

Выше он уже проделывал то же самое с законом достаточного основания. Создавалась видимость, что он выдвигает метафизическое положение, которое содержит определение вещей а priori, но оказывалось, что оно было чисто логическим, содержащим лишь следующее: для того, чтобы некое суждение стало утвердительным, оно должно быть представлено не только как возможное (проблематичное), но и одновременно как *обоснованное* (аналитическое или синтетическое — неважно). Он был близок к метафизическому закону *каузальности*, но опасался, вероятно, подступать к нему (ибо приводимый им пример последнего не подходит ко всеобщности этого якобы высшего основоположения всех синтетических суждений). Причина этому в следующем: он хотел выдать логическое правило, которое совершенно аналитично и абстрагируется от всякого свойства вещей, за единственно важный для метафизики принцип природы.

Вероятно, господин Эберхард опасался, что читатель все же обнаружит этот трюк, и поэтому добавляет в конце данного раздела (стр. 331), что «спор о том, является ли суждение аналитическим или синтетическим, с точки зрения его логической истинности не принципиален», чтобы навсегда скрыть его от внимания читателя. Но напрасно. Простой здравый смысл

требует ответа на вопрос, как только он его себе достаточно уяснил. То, что я могу выходить, расширяя свое знание, за пределы данного понятия, учит меня ежедневное увеличение моего знания посредством все возрастающего опыта. Однако, когда говорят, что я могу расширять его за пределы данного понятия, [не обращаясь к опыту], то есть могу производить а priori синтетические суждения, а если еще добавляют, что для этого необходимо иметь нечто большее, чем данные [мне] понятия, еще и некое *основание*, чтобы мыслить в них нечто большее и с большей истинностью, чем мыслилось мной в них до этого, то я бы просто поднял [такого человека] на смех; то же самое, если бы он заявил мне, что положение о том, что я должен сверх понятия иметь еще и некое основание для того, чтобы сказать о нем нечто большее, чем заложено в нем, что это утверждение и есть это самое основоположение, наличие которого одного уже достаточно для подобного расширения, следует лишь только представить себе, что то большее, что я мыслю а priori в понятии, но не содержится в нем, и есть *атрибут*. Действительно, я хочу знать, что же это за основание, которое знакомит меня с чем-то большим, что с необходимостью принадлежит вещи в качестве ее атрибута, чем то, что существенно принадлежит моему понятию и что я уже знал. И я прихожу к следующему выводу: расширение моего знания с помощью опыта покоится на эмпирическом (чувственном) созерцании, в котором я встречаю многое из того, что содержится в моем понятии, но и знакоюсь с еще неким большим, что в нем не содержится, но связано с ним. И я начинаю сразу понимать, если только меня подведут к этому, следующее: если расширение моего знания за пределы понятия должно произойти а priori, то для этого необходимо, подобно эмпирическому созерцанию там, чистое созерцание а priori. Но возникает затруднение: где же мне найти его и как уяснить себе возможность последнего? И «Критика» учит меня отбросить все эмпирическое, или все то, что действительно воспринимается в пространстве и времени, следовательно, уничтожить все вещи как эмпирические представления, и тотчас обнаружится, что остаются пространство и время как некие сущности, созерцание которых предшествует всем понятиям о них и всем вещам в них; при таком свойстве этих первоначальных способов представления я не могу мыслить их иначе, чем как только субъективные (но положительные) формы своей чувственности (а не просто как обусловленную или недостаточную ясность представлений), не как формы *вещей самих по себе*, а только как [формы] объектов всякого чувственного созерцания, то есть лишь как явлений. Тем самым мне становится ясным не только то, каким образом становятся возможными синтетические знания а priori в математике и естествознании, а именно благодаря тому, что упомянутые созерцания а priori делают *возможным* подобное расширение

[знания], а синтетическое единство, придаваемое с необходимостью рассудком всему многообразному в них с целью получения их мысленных объектов, делает их *действительными*, но понимаю также и то, что эти самые синтетические суждения а priori, ввиду того, что рассудок не в состоянии созерцать, не могут выходить за пределы чувственного созерцания, потому что все понятия за пределами этой сферы необходимо становятся пустыми и не имеют соответствующего им предмета; ибо для получения подобного знания я должен отважиться на то, чтобы опустить кое-что из того, что необходимо мне для познания предметов чувств, но что ни в коем случае не может быть опущено, или связать его таким образом, каким оно в нем [предмете] никогда не может быть связано, и прийти на этом пути к понятиям, о которых, хотя они не содержат противоречия, я никогда не могу знать, соответствует ли им какой-либо предмет вообще или нет, которые, следовательно, для меня оказываются совершенно пустыми.

Читатель может теперь, сравнив сказанное здесь с тем, что ставит себе в заслугу господин Эберхард относительно своей экспозиции синтетических суждений (стр. 316 и др.), сам судить, кто из нас двоих предлагает публике вместо существа дела пустой словесный хлам.

Того же самого сорта и высказывание на стр. 316 о том, «что они [синтетические суждения] при выражении *вечных истин* имеют своими предикатами атрибуты к субъекту, а при преходящих истинах [*Zeitwahrheiten*] — случайные свойства или отношения». И вот он (стр. 317) сравнивает с этим *плодотворнейшим* и очевиднейшим основанием классификации понятие, которое дает о них «Критика», а именно, что синтетические суждения суть те, принципом которых не является закон непротиворечия.

«А что же в таком случае?» — восклицает произвольно господин Эберхард и затем упоминает свое открытие (заимствованное якобы у Лейбница), а именно закон основания, который наряду с законом непротиворечия, лежащего в основе *аналитических* суждений, является второй осью, на которой покоится человеческий рассудок в своих *синтетических* суждениях.

Таким образом, из всего того, что я только что кратко изложил в качестве результата аналитической части «Критики рассудка», следует, что она излагает принцип синтетических суждений вообще, который вытекает с необходимостью и со всей требуемой тщательностью из их определения, а именно: *что они возможны не иначе, как при условии подведения под понятия своего субъекта созерцания, которое в случае суждений опыта является эмпирическим, а если эти суждения синтетические, то чистым созерцанием а priori*. А то, какие следствия имеет это положение не только для определения границ применения человеческого разума, но и для проникновения в

самую истинную природу нашей чувственности (ибо это положение может быть доказано независимо от выведения представлений пространства и времени и служить тем самым доказательством идеальности последних до того, как мы придем к ней, исходя из их внутренних свойств) — это может без труда понять каждый читатель.

Теперь сравним с изложенным выше принцип, вытекающий из Эберхардова определения природы синтетических суждений а priori. «Они суть такие суждения, которые сказывают о понятии-субъекте его атрибуты», то есть атрибуты, которые необходимо принадлежат ему, но только как его следствия; но так как они как таковые должны соотноситься со своим основанием, то возможность их становится понятной благодаря принципу основания. Но необходимо, однако, с полным правом теперь спросить, следует ли искать это основание их предикатов в субъекте согласно закону непротиворечия (в этом случае суждение вопреки наличию основания будет всякий раз лишь аналитическим), или оно не может быть выведено в соответствии с законом непротиворечивости из субъекта; лишь в этом случае атрибут единственно является синтетическим. Итак, ни слово «атрибут», ни закон достаточного основания не помогают отличить синтетические суждения от аналитических, и если первые мыслятся как суждения а priori, то данное обозначение не означает ничего другого, кроме того, что предикат их определенным образом обоснован сущностью понятия субъекта, является, следовательно, атрибутом, и это не только вследствие закона непротиворечия. Каким же, однако, образом он, будучи синтетическим атрибутом, вступает в связь с понятием субъекта, если он не может быть выведен из него посредством его расчленения, — этого нельзя усмотреть ни из понятия атрибута, ни из положения о том, что для него существует некое основание, и, следовательно, определение господина Эберхарда является полностью пустым. «Критика» же ясно показывает основание этой возможности, а именно: должно существовать чистое, подведенное под понятие в субъекте созерцание, с помощью которого возможно и, более того, единственно возможно привести в связь синтетический предикат а priori с понятием.

Решающим является то, что логика как таковая не может дать ответа на вопрос, как возможны синтетические суждения а priori. Если она говорит: из того, что составляет сущность вашего понятия, следует выводить тем самым уже достаточно определенные синтетические предикаты (которые в этом случае будут называться атрибутами), то мы не продвинемся ни на шаг дальше, чем прежде. Каким же образом я смогу со своим понятием выйти за пределы самого этого понятия и сказать о последнем нечто большее, чем в нем до того мыслилось? Задача эта неразрешима, если подходить к условиям познания, как это делает логика, только со стороны рассудка. Непременно

следует при этом также привлекать чувственность, и в частности, чувственность как способность созерцания *a priori*, и тот, кто полагает, что можно довериться логическому способу классификации понятий (при которой она, как это и должно быть, абстрагируется от всяких объектов), тот только напрасно потратит усилия и труд. Но именно с таким намерением господин Эберхард обращается к логике и, судя по заявлениям, которые он делает относительно понятия атрибута (и принадлежащего исключительно к нему основоположения о синтетических суждениях *a priori*, то есть закона достаточного основания), он считает его настолько содержательным и многообещающим для решения темных вопросов трансцендентальной философии, что даже набрасывает на стр. 322 новую таблицу классификации суждений в логике (автор «Критики», однако, накладывает в ней запрет на отведенное [этому понятию] место), к чему его побуждает Якоб Бернулли своей приводимой на стр. 320 якобы новой ее классификацией.

О подобных логических открытиях можно было бы сказать словами из одного ученого журнала: «В городе N опять, к сожалению! был открыт новый термометр». В самом деле, до тех пор, пока мы все еще довольствуемся двумя постоянными точками шкалы, а именно точками замерзания и кипения, не определив отношения теплоты в одном из пунктов к абсолютному теплу, то не имеет значения, на сколько делений — 80, или 100, или больше — мы разделим шкалу между ними. Следовательно, до тех пор, пока в общем не выяснится, каким же образом атрибуты (имеются в виду синтетические), которые, однако, не выводимы из самого понятия субъекта, становятся необходимыми предикатами последнего (стр. 322, 1, 2), или как таковые даже допускаются им, до тех пор упомянутая выше систематическая классификация, долженствующая одновременно указать возможность [данных] суждений, что она в состоянии сделать лишь в некоторых случаях, останется совершенно бесполезным отягчающим память занятием и едва ли найдет место в какой-либо новой системе логики, точно так же, как и одна лишь идея о синтетических суждениях *a priori* (которую господин Эберхард, что совершенно нелепо, называет *несущественной*) вовсе не относится к логике.

И наконец, несколько слов об утверждении, произведенном господином Эберхардом и другими, о том, что различие между синтетическими и аналитическими суждениями было известно уже давно и не является новым (по-видимому, оно было забыто ввиду его несущественности). Тому, для кого истина дороже всего и, в частности, когда он использует определенное различие таким образом, каким, по крайней мере, до сих пор никто не пытался [его использовать], нет дела до того, было ли оно проведено кем-либо до него или нет, но такова уж судьба всего нового в науке, что в случае, если ему нечего

больше противопоставить, начинают выдавать его, по крайней мере, за нечто такое, что уже давно было известно древним. Однако даже если из вновь изложенной идеи со всей очевидностью делаются новые важные выводы, которые невозможно было бы не сделать, если бы упомянутая выше идея уже была бы известна, то все же оставалось бы еще подозрение относительно правильности или важности самой упомянутой выше классификации. Но если же последняя не вызывает сомнения, а неотвратимость, с которой навязываются следствия из нее, бросается в глаза, то с огромной долей вероятности можно предполагать, что подобной классификации еще не было.

Вопрос о том, как возможно познание а priori, был поставлен и обсуждался уже давно, главным образом со времен Локка, и не было ничего более естественного после того, как различие аналитического и синтетического в нем [познании] было со всей ясностью замечено, как свести этот общий вопрос к более частному, а именно: как возможны синтетические суждения а priori? Действительно, как только этот вопрос был поставлен, то сразу же каждому стало ясно, что существование и падение метафизики зависит только от того, как данный вопрос решается. Наверняка догматический метод в ней был бы прекращен до тех пор, пока не было бы получено достаточно информации для решения этой единственной задачи. Критика чистого разума стала бы лозунгом дня, с которым не смогли бы никогда сравниться самые громкие трубы догматических утверждений. Но поскольку этого не произошло, постольку это нельзя расценивать иначе, как то, что названное различие никогда не проводилось должным образом. Однако это было неизбежно постольку, поскольку рассматривали это различие, как это делал господин Эберхард, сводивший различие их предикатов к простому различию атрибутов сущности и существенных составных частей субъекта, и относили его, следовательно, к логике, которая никогда не имеет дела с возможностью познания с точки зрения его содержания, но только с его формой, так как ее знание *дискурсивно*, а исследование происхождения знания а priori о предметах было исключительно делом трансцендентальной философии. Такое понимание и определенную пользу вышеупомянутая классификация и не могла получить, ибо она заменила термины «аналитический» и «синтетический» на менее удачные, каковыми являются термины «идентичные суждения» и «неидентичные суждения», ибо последние не содержат ни малейшего указания на особый вид возможности подобной связи представлений а priori; напротив, выражение «синтетические суждения» (в их противоположности аналитическим) сразу же указывает на *синтез* а priori вообще и, естественно, обуславливает [характер] исследования, которое уже не является логическим, но трансцендентальным, выясняющим, не существуют ли понятия (категории), которые не име-

ют ничего другого своим содержанием, кроме как чистое *синтетическое* единство многообразного (в каком-либо созерцании) с целью получения понятия объекта вообще, и которые а priori лежат в основе всякого его познания; а так как последнее есть не что иное, как просто мышление некоего предмета вообще, то возникает вопрос, не предполагает ли оно для целей получения подобного синтетического знания способ, каким оно может быть дано, а именно форму его созерцания, столь же априорную; и тогда то самое различие, которое обычно не имеет никакого значения, тотчас неизбежно превращает направленное на него исследование в трансцендентальную задачу.

Таким образом, это была не просто игра словами, а шаг вперед к познанию сути дела; «Критика» показала сначала различие суждений, которые полностью покоятся на законе тождества или противоречия, и суждений, которые нуждаются в другом [законе], назвав первые аналитическими в их отличие от синтетических. В самом деле, то, что, помимо данного понятия, должно еще привходить нечто в качестве субстрата, делающего возможным выход за пределы моих предикатов, это ясно выражается термином «синтез», и направляющего исследование на [выявление] возможности синтеза представлений для познания вообще, которое вскоре должно было привести к выводу о необходимости *созерцания*, а для познания а priori *чистого созерцания* как неизбежной предпосылки последнего — вывод, который невозможно было бы ожидать, если бы синтетические суждения интерпретировались как суждения не-тождества, однако этого и не было никогда достигнуто. Чтобы убедиться в этом, следует лишь проанализировать примеры, которые приводились до сих пор, дабы доказать, что указанное различие, хотя и в других выражениях, уже было разработано в философии и известно. Первым (что было приведено мною самим, но как нечто лишь похожее на это) был *Локк*, который разграничил знание на так называемое знание сосуществующее и знание относительное, первое он поместил в суждения опыта, а второе — в суждения морали; однако он не говорит о синтетическом [моменте] суждений вообще и не сделал также из этого отличия от суждений тождества ни малейшего вывода относительно общих правил чистого познания а priori вообще. Другой пример, из Рейша, относится полностью к логике; последний показывает только два различных способа, какими могут быть прояснены данные понятия, не занимаясь в первую очередь вопросом расширения знания а priori об объектах. Третий пример — Крузиус, приводивший лишь такие метафизические суждения, которые не могли быть доказаны посредством закона непротиворечия. Следовательно, никто [из них] не понял данного различия во всей его всеобщности и важности для критики разума вообще. Иначе математика с ее огромным богатством синтетического знания а priori должна была

бы быть поставлена первой в ряду примеров выше, а ее разительное отличие от чистой философии с ее скудным количеством подобных суждений (хотя в ней нет недостатка в аналитических) должна была бы неизбежно приступить к исследованию возможности первых. Впрочем, пусть каждый судит сам, независимо от того, обнаружил ли он данное различие во всей его всеобщности сам или прочитал у других, или нет; главное, чтобы он не считал по этой причине упомянутое выше исследование излишним, а цель его давно достигнутой.

На этом обсуждении критики чистого разума, якобы возрождающей лишь прежнюю и обосновывающей высокие притязания метафизики, можно теперь раз и навсегда поставить точку. Из него с достаточной ясностью следует, что даже если такая критика и была, то, по крайней мере, господину Эберхарду не было суждено увидеть ее, понять и помочь в каком-либо из пунктов, пусть даже с чужой помощью, удовлетворить эту потребность философии. Пусть другие славные мужи, которые до сих пор своими возражениями стремились поддержать дело «Критики», не поймут это единственное исключение из моего принципа (не втягиваться ни в какие публичные споры) так, будто я считаю их аргументы или их философский авторитет не имеющими для себя особой значимости. Но на сей раз это произошло только для того, чтобы обратить внимание на определенный вид поведения, имеющий в себе нечто характерное, который присущ, как кажется, господину Эберхарду и заслуживает поэтому внимания. Впрочем, пусть «Критика чистого разума» сама, если сможет, своей внутренней прочностью впредь стоит за себя. С тех пор, как она вошла в обиход, она не может исчезнуть, не оказав, по крайней мере, влияния на становление еще более прочной системы чистой философии, чем прежняя. И даже если предположить нечто подобное, то ход вещей сегодня в достаточной мере позволяет понять, что имеющее место кажущееся согласие между ее противниками есть всего лишь скрытый разлад, ибо относительно принципа, который они хотят установить вместо ее принципа, они бесконечно далеки друг от друга. Это будет забавный и в то же время поучительный спектакль, когда они будут договариваться о том, чтобы оставить на время в стороне борьбу против общего врага и прежде прийти к единству относительно принципов, которые они хотят ей противопоставить; но они никогда не смогут довести своего дела до конца, подобно человеку, решившему строить мост не поперек реки, а вдоль неё.

При той анархии, которая неизбежно царит среди философской публики потому, что она своим единственным стоящим над ними господином считает разум, эту невидимую вещь, всегда была нужда в объединении беспокойного круга возле какого-либо великого мужа в качестве притягивающего центра.

Однако понять его тем, кто не принес с собой собственного разума, или кто не имел особого желания пользоваться им, а если же в наличии было и то, и другое, то вел себя так, будто он пересказывает лишь мысли других, было весьма затруднительно, что до сих пор служило препятствием к выработке прочного мнения и еще долго будет, по крайней мере, его значительно затруднять. Метафизика господина Лейбница содержала, главным образом, три своеобразных пункта: 1. Закон достаточного основания, а именно постольку, поскольку он был призван показать лишь недостаточность закона непротиворечия в деле познания необходимых истин. 2. Учение о монадах. 3. Учение о предустановленной гармонии. Эти три пункта были предметом критики со стороны его многочисленных противников, которые не понимали его, но вместе с тем (как сказал один большой знаток и почтенный его поклонник в связи с известным поводом) учение его было извращено его сторонниками и интерпретаторами — судьба, постигшая также и других философов древности, которые могли, наверное, сказать так: убереги нас, господи, от наших друзей, а от врагов мы побережемся как-нибудь сами.

I. Действительно ли Лейбниц понимал свой закон достаточного основания объективно (как закон природы), придавая ему значение вклада в предшествующую философию? Этот закон настолько известен и (с определенными оговорками) настолько ясен, что даже самый безнадежный ум не мог бы додуматься до того, чтобы выдать его за новое открытие; над ним подтрунивали также противники, не понимавшие его. Однако для него этот закон был все же субъективным принципом, имевшим отношение только к критике разума. В самом деле, что значит: закон непротиворечия должен быть дополнен другими законами? Это означает следующее: с помощью закона непротиворечия может быть познано лишь то, что уже содержится в понятии объекта. Если же необходимо о нем сказать нечто большее, то должно привходить нечто сверх этого самого понятия, а чтобы решить, как это сделать, необходимы поиски другого, отличного от закона непротиворечия принципа, то есть они должны иметь свое особое основание. Но так как последний вид суждений (по крайней мере теперь) называется синтетическим, то Лейбниц тем самым хотел сказать следующее: к закону непротиворечия (как принципу аналитических суждений) должен быть добавлен еще один принцип, а именно принцип синтетических суждений. Это было новое и весьма примечательное указание на исследования, которые необходимо было осуществить (и которые, действительно, были с недавних пор осуществлены). И вот теперь, когда его последователь выдает это указание о необходимости особого принципа, который еще следовало было найти, за уже найденный принцип (синтетического знания), который Лейбниц яко-

бы считал своим новым открытием, не поднимает ли он тем самым, желая воздать ему хвалу, его на смех?

II. Можно ли поверить, что Лейбниц — столь великий математик! — хотел сложить тела из монад (а тем самым и пространство из простых частей)? Однако он не имел в виду телесный мир, а мир интеллигибельный, не известный нам субстрат, который является всего лишь идеей разума, с помощью которой мы должны себе представлять все, что мы мыслим в нем как сложную субстанцию, как субстанцию, состоящую из простых субстанций. Он, как и Платон, приписывал, по-видимому, человеческому духу способность первозданного, правда, впоследствии лишь затемненного, интеллектуального созерцания этих сверхчувственных сущностей, ни одну из которых он, однако, не соотносил с чувственными сущностями и которые были для него вещами, соотносимыми с особым видом созерцаний, для которые мы способны единственно для получения возможного знания, то есть в строжайшем смысле одними лишь явлениями (специфическими, своеобразными), формами созерцания; причем этому нисколько не препятствовал, согласно его собственным заявлениям, взгляд на чувственность лишь как на замутненный способ представления, а напротив, следовало поставить на место этого последнего другой, значительно более отвечающий его намерениям [способ созерцания]. И выдавать эту ошибку за его собственную мудрую предосторожность (как это делают его эпигоны, которые, чтобы приблизиться к своему оригиналу, копируют даже его манеру — или языковые погрешности) — едва ли может быть поставлено им в заслугу перед памятью их учителя. Столь же неправомерно, если придерживаться буквы, приписывать ему [идею] врожденности определенных понятий как выражение лежащей в основе нашего познания глубинной способности [познавать] согласно принципам а priori, которую он использовал лишь против Локка, не признававшего никакого другого, кроме эмпирического, [источника] происхождения [нашего знания].

III. Можно полагать, что Лейбниц под своей предустановленной гармонией между душой и телом понимал координированность двух совершенно не зависимых друг от друга по своей природе и не приводимых посредством своих собственных сил к единству сущностей. Но ведь тем самым как раз был провозглашен идеализм; ибо для чего необходимо было предполагать наличие тел вообще, если все, что происходит в душе, можно рассматривать как следствие воздействия ее собственных сил, которые она может также применять, будучи в полной изоляции? Душа и совершенно не известный нам субстрат *явлений*, которые мы называем телами, суть, правда, совершенно разные вещи, но сами эти *явления*, будучи основанными на способности субъекта (его души) — формами созерцания, суть всего лишь представление, и в этом случае вполне

можно предполагать единство рассудка и чувственности в том же самом субъекте, согласно определенным законам а priori, и вместе с тем необходимую естественную зависимость их от внешних вещей, не отдавая их на откуп идеализму. И вот эту гармонию рассудка и чувственности постольку, поскольку она делает возможным познание а priori общих законов природы, «Критика» и заложила своей основой, что без нее невозможен никакой опыт, а следовательно, и предметы (потому что они отчасти как созерцания подчинены формальным условиям чувственности, а отчасти как связь многообразного — принципам упорядочения в одном сознании как условия возможности познания) не могли бы совершенно быть восприняты нашим единым сознанием и стать предметами опыта, то есть были бы для нас ничто. Однако мы не можем указать и причину того, почему мы обладаем именно этой формой чувственности и почему рассудок наш именно такой природы, благодаря связи которых становится возможным опыт; более того, почему они, будучи полностью гетерогенными источниками познания, тем не менее всегда столь хорошо согласуются для [обеспечения] возможности [получения] опытного знания вообще и, главным образом (как это будет показано в «Критике способности суждения»), возможности познания природы, ее разнообразных частных и полностью эмпирических законов, о которых рассудок наш а priori ничего не говорит, как будто природа специально подлаживается под наши умственные способности; этого мы не можем (да и никто не может) объяснить. Лейбниц называл эту причину главным образом в связи с познанием тел, а среди них прежде всего нашего собственного тела как опосредующего источника этого отношения, *предустановленной гармонией*, чем, разумеется, не дал убедительного объяснения этой самой согласованности, да и не хотел его давать, но лишь указал, что с его помощью мы должны мыслить некую целесообразность в порядке высшей причины нас самих и всех вещей вне нас и причем так, как будто она заложена [изначально] в творение (предустановлена), но не как предустановленная гармония внеположенных друг другу вещей, а лишь как [гармония] наших душевных способностей, чувственности и рассудка, в соответствии с присущими им каждой в отдельности свойствами, как учит «Критика», что они для познания вещей а priori должны определенным образом соотноситься друг с другом. То, что это было его истинной, хотя и не совсем ясно разработанной мыслью, можно заключить из того, что он вышеупомянутую гармонию распространил значительно дальше, чем только на гармонию души и тела, а именно на гармонию между царством природы и царством благодати (царством цели) в их отношении к конечной цели, то есть [живущему] по законам морали человеку, где должны мыслиться как находящиеся в гармонии следствия из законов природы и из законов

свободы, следовательно, две различные способности, действующие в нас согласно совершенно различным принципам, а не гармония двух внешнеположенных относительно друг друга вещей, которая, как учит «Критика», должна быть понята не из свойств мировых существей, а как, по крайней мере, для нас, случайное совпадение, как бы лишь благодаря некоей интеллектуальной мировой причине.

Таким образом, пусть эта «Критика чистого разума» станет действительной апологией Лейбницу, вопреки его сторонникам, не делающим своими возвышающими его похвалами чести ему, ту же самую роль она может сыграть и для других древних философов, в уста которых какой-либо историк философии, заслуживающий, впрочем, всяческих похвал, вкладывает порой сплошной вздор, смысл которого он не понимает, игнорируя саму «Критику чистого разума» (как общий источник для всех), этот ключ ко всякой интерпретации продуктов чистого разума, полученных из одних лишь понятий; и который, понимая буквально сказанное философами, не видит того, что они хотели этим сказать.

* Окончание публикации. Начало см. в выпусках 16-м и 17-м «Кантовского сборника».

** Об успешности применения принципов а priori свидетельствует подтверждение их применимости в опыте, ибо в этом случае догматик получает в подарок доказательство а priori. Но неудачное применение, порождающее скептицизм, имеет место лишь в случаях, когда, ввиду того, что опыт в данном отношении ничего не может ни подтвердить, ни опровергнуть, речь может идти только о доказательстве а priori, и оно состоит в том, что подобное доказательство, с такой же убедительностью демонстрирующее прямо противоположное, объясняется общими свойствами человеческого разума. Первые суть основоположения возможного опыта, их содержит аналитика, но поскольку они, не будучи проверены как таковые предварительно критикой, легко могут быть выданы за основоположения, действия которых простираются дальше сферы предметов опыта, и поскольку в том, что касается сверхчувственного, порождается догматизм. Вторые относятся к своим предметам не посредством понятий рассудка, как первые, а с помощью идей, которые никогда не могут быть даны в опыте. Но так как в этом случае доказательства, принципы которых распространяются только на предметы опыта, должны неизбежно противоречить друг другу, то возникает, по причине отсутствия критики, которая единственно может провести границу, не только скептицизм относительно того, что мыслится с помощью одних идей, но и в конце концов подозрение ко всему знанию а priori, которое делает в конечном счете необходимым применение общего метафизического учения о сомнении.

*** Для того, чтобы избежать и малейшего впечатления *определения* через круг при этом слове, можно употребить вместо выражения *ad essentiam* синонимичное ему выражение *ad internam possibilitatem pertinentia*.

**** К суждениям, относящимся к логике, но ввиду их двусмысленности проникшим и в метафизику, которые, хотя они суть аналитические суждения, считаются синтетическими, относится нижеследующее: «Сущности вещей не подвержены изменению», то есть в них нельзя изменить ничего, что существенно принадлежит их понятию, не уничтожая одновременно самого понятия. Это положение, взятое из Баумгартеновой «Метафизики» (§ 132), а именно из раздела об изменчивости и неизменчивости, где изменение (и это правильно) определяется существующими определениями вещи,

следующими друг за другом (их сукцессивностью), следовательно, посредством их следования во времени, звучит так, как будто тем самым сформулирован закон природы, который расширяет наше понятие о чувственных предметах (главным образом, потому, что речь идет о существовании во времени). Поэтому ученики полагают, что посредством его они приходят к чему-то очень важному; отсюда, например, и мнение некоторых минералогов, которые на вопрос, может ли каменистая почва превратиться со временем в почву глинистую, сразу же отвечают, заявляя, что сущности вещей неизменны. Однако это метафизическое изречение является все тем же жалким законом идентичности, не имеющим ничего общего с наличным бытием вещей и их возможным или невозможным изменением, относится полностью к логике и внушает нечто такое, в чем сомневаться никому и в голову не придет, а именно, что если я хочу сохранить понятие об одном и том же объекте, то я не должен ничего менять в нем, то есть не должен предсказать ему противоположное тому, что я в нем о нем (объекте) думаю.

*Публикация и перевод с немецкого
И. Д. Коцеева.*